

ВОСПИТАНИЕ И ЕГО ФОРМЫ

О.В. Коротких

Исторические и социально-культурные факторы становления нравственных ценностей в русской народной педагогике

Аннотация. В статье рассматривается становление нравственных ценностей в истории русской культуры и их место в народной педагогике. Автор анализирует влияние особенностей истории народов России, опыта их взаимодействия и сотрудничества, традиций общинной жизни, а также христианской проповеди милосердия и смирения, устного народного творчества и других элементов фольклора на процесс становления народной педагогике. В статье обосновывается положение о необходимости возрождения традиций народной педагогике для продолжения жизни русской культуры.

В статье используются методы исторической и историко-культурной реконструкции, анализа и синтеза, структурный и герменевтический методы.

Научная новизна статьи обусловлена использованием исторических и историко-культурных источников, которые обычно остаются вне поля зрения исследователей в области педагогике, а также реконструкцией связей, которые существовали в отечественном образовании между педагогикой и другими сферами гуманитарного знания, а также народной культурой.

Ключевые слова: народная педагогика, история России, крестьянская община, русская культура, народная культура, фольклор, христианство, нравственные ценности, милосердие, миролюбие.

Abstract. The article is devoted to the process of developing moral values in the history of Russian culture and the role of moral values in folk pedagogics. The author of the article analyzes the influence of historical peculiarities of Russia's nations, their experience in interaction and cooperation, traditions of social life as well as Christian propagation of mercy and serenity, oral folk creations and other elements of folklore on the process of developing folk pedagogics. The article proves the statement about the need to revive traditions of folk pedagogics in order to continue the existence of Russian culture. In this research the author uses the methods of historical and historical-cultural reconstruction, analysis and synthesis, structural and hermeneutical methods. The scientific novelty of the research is caused by the fact that the author uses historical and historical-cultural references that are usually left unnoticed by pedagogical researchers as well as reconstructs the relationship that has always been there between pedagogics and other spheres of humanities including folk culture.

Keywords: moral values, Christianity, folklore, folk culture, Russian culture, peasant community, Russian history, folk pedagogy, charity, peaceableness.

Исследования традиции народной педагогике, которые появились в нашей стране в последние десятилетия [1; 2; 3; 4; 5], обладают особенностями, существенно отличающими их от работ по истории педагогике, написанных в предшествующие годы. Прежде всего, это различие связано с привлечением новых источников, которые не являются «педагогическими» в непосредствен-

ном смысле, а, скорее, характеризуют культуру народа как нечто целостное, ту культурную атмосферу, которая проникает во все сферы духовной жизни народа. Сегодня в отечественной педагогической науке легко принимается мысль, что песни и сказки, народные традиции, нравственные чувства и религиозные представления народа являются не менее важными факторами педагогического воздействия, чем «тексты», пря-

мо формулирующие те или иные педагогические принципы и установки.

Эти изменения, однако, не ограничиваются расширением исследовательского кругозора. В педагогике, как и в других отраслях современного гуманитарного знания, все более и более утверждается представление о культуре как едином основании духовной деятельности человека. И это представление – в качестве нового контекста развития педагогической мысли, который приходит на смену пониманию педагогики как замкнутой «профессиональной» деятельности, – само оказывается важным методологическим принципом исследования, заставляя искать новые подходы к подбору материала и организации содержания исследования.

Обращение к исследованию места нравственных ценностей в народной педагогике обуславливает необходимость рассмотрения тех форм культуры, значение которых не ограничивается педагогикой. Педагогику в этом случае следует связывать с историей народа, судьбой этноса и сменой форм государственности, эволюцией хозяйственного строя, всем укладом жизни и определяемой им психологией человека. Благодаря этому появляется возможность увидеть в воспроизводимых педагогической традицией нравственных ценностях спроецированное в жизнь будущих поколений отражение истории народа и его культуры.

Основу российской истории составляет жизнь восточнославянского этноса [6, с. 107-123], развивавшиеся отношения которого с соседями носили черты как соперничества, так и мирного сосуществования. В них имели место не только конфликты, но и конструктивное сотрудничество в военно-политической области (например, в противостоянии агрессии на Русь немцев, шведов, литовцев) и взаимовыгодный хозяйственный обмен [7; 8]. В наибольшей степени дух добрососедства был характерен для отношений славян с финно-угорскими народами, занимавшими первоначально земли к северо-востоку от верховий Дона и Днепра.

Исторические материалы ничего не говорят о каких-либо столкновениях между славянами, с одной стороны, и финно-угорскими народами, а также балтами, – с другой. Процесс освоения

славянами Волго-Окского междуречья, которое в послемонгольскую эпоху станет центром становления великорусской народности и новой, «московской», государственности, проходил на удивление мирно. Уже русские историки XIX в. обращали внимание на то, что основной причиной этого были различия в хозяйственной деятельности народов, которые заняли не пересекающиеся между собой природные ниши: «Славяне-земледельцы селились в более сухих, возвышенных местах, а финны, занимавшиеся лесными промыслами и железорудным производством, – в низменных, болотистых» [9, с. 110-111]. С другой стороны, столь близкое соседство и совместное освоение огромных пространств было бы невозможно, если бы сама древнерусская культура не несла в себе потенциал миролюбия и добрососедства: «Русские переселенцы не вторгались в край финнов крупными массами, а ... просачивались тонкими струями, занимая обширные промежутки, которые оставались между разбросанными между болот и лесов финскими посёлками. Такой порядок размещения колонистов был бы невозможен при усиленной борьбе с туземцами» [10, с. 298].

В.Д. Шадриков даёт обстоятельный анализ этой ситуации как раз с точки зрения процесса становления духовно-нравственных ценностей в истории русской культуры. Он отмечает, что славянские народы избегали столкновений угро-финскими племенами, и вследствие этого между ними складывались отношения, при которых оказывалось возможным включение в состав славянских общин на равных правах и представителей коренных финно-угорских племён. «Надо отметить эту тенденцию как важнейшую, – продолжает В.Д. Шадриков, – в ходе освоения новых территорий русские вводили в свою культуру элементы культуры других народов. Принимая православие, местные жители вместе с новой верой приобретали и статус русского человека. Во множестве совершались браки русских с инородцами. И начиная с Киевской Руси, классовое, сословное размежевание общества проходило не по этническим границам и национальным признакам» [11, с. 13].

Внимание к природным факторам становления нравственных ценностей в культуре народа

связано с тем, что природное окружение в действительности столь же значимо для человека, как и окружение социальное. О.Н. Козлова пишет: «Природа влияет на становление нравственных норм, эстетических приоритетов, специфической логики народа. Она пронизывает всю культуру, является сама определенной мерой реальности, жизнеспособности любых действий личности» [12, с. 23]. Расселение восточных славян, в процессе которого они естественным образом смешивались с коренными народами, постепенно изменяло их антропологический состав. В монографии «Русские», выпущенной в свет Институтом этнологии и антропологии АН России, указывается: «Судя по вещевому комплексу славянских погребений, находкам материальной культуры на городищах и селищах, славянская колонизация носила характер внедрения преимущественно мирного земледельческого населения в инородную среду. В результате основным фактором формирования антропологического облика славян стала метисация. Более того, метисация, как выяснилось при изучении демографической структуры пришельцев и местного населения, при ранней колонизации Русского Севера явилась стратегией выживания славян на новых землях» [6, с. 73].

Объединение славянского населения на новых землях с представителями финно-угорских, балтских и других племён поддерживалось и хозяйственным интересом, поскольку величина податей, которые возлагались на общину, оставалась неизменной, и вследствие этого увеличение числа членов общины за счёт представителей соседних этносов оказывалось выгодным для её членов: «На первых этапах существования волостной общины крестьяне были заинтересованы в привлечении новых членов: земли много, а чем больше людей, тем податей на одного человека будет меньше» [13, с. 609]. Хозяйственный интерес, таким образом, объективно способствовал сплочению людей различного этнического происхождения в рамках общины как общественно-производственного объединения на основе самоорганизации крестьян.

Опыт общинной жизни доказывал, что самоуправление в наибольшей степени способствовало тому, чтобы все споры и конфликтные

ситуации разрешались мирно и «по правде»: «В волостном суде, руководствуясь местными крестьянскими обычаями, дела разбирались по совести, склонить спорящих старались к примирению» [13, с. 610]. «Наряду с самоуправлением, краеугольным камнем общины служила общественная взаимопомощь и взаимоподдержка.... За многие столетия существования самоуправляемых волостных и простых общин... навык к самоуправлению и взаимопомощи стал национальной чертой и общественной потребностью русских крестьян» [13, с. 610]. Совместный труд и самоуправление поддерживали у людей стремление к справедливости и миру, которое за века общинной жизни стало доминирующей чертой народного характера.

Таким образом, многообразные контакты славян с другими племенами, населявшими Восточно-Европейскую равнину, имели огромное значение для процесса формирования самого русского народа и его культуры. Как отмечает Ф.Ф. Нестеров, характер тех отношений, которые складывались у русских с их соседями, как правило, не вызывал конфликтов: «Важнейшая черта русского колонизационного движения состояла в том, что миграционные потоки направлялись на неосвоенную ранее землю. Русские крестьяне, поднимая целину, распространили Россию от Прибалтики до Тихого океана, от Белого моря до песков Средней Азии. Ни у одного земледельческого народа, будь то в Поволжье, на берегах Балтики, в Закавказье, в бассейне Амударьи и Сырдарьи, земля не отбиралась» [14, с. 94]. «Русский народ никогда не чувствовал себя господином других народов, никогда не придерживался двойной морали, никогда не стремился отгородиться от иноплеменников» [14, с. 114]. Русский философ и общественный деятель И.Л. Солоневич в своем труде «Народная монархия» убедительно показывает, что русским (в отличие от поляков, которые к этому также стремились) удалось создать огромную державу именно потому, что в характере русского народа преобладает стремление не к подавлению других народов, а к взаимопониманию и сотрудничеству с ними [15].

Нельзя не обратить внимания в этой связи на замечания Д.С. Лихачёва, касающиеся истории

взаимоотношений русских со своими соседями и выработывавшейся по ходу сближения многих этносов народной психологии, в которой важнейшее место заняло стремление жить по «правде» и сообща разрешать все конфликтные ситуации миром. Д.С. Лихачёв указывает, что русские хоть и не всегда, но по большей части жили в мире с соседними народами: «Несмотря на все войны со степью, иные из которых носили отнюдь не национальный, а сугубо феодальный характер, русские князья женились на знатных половчанках. Не было, значит, расовой отчуждённости. Да и вся история русской культуры показывает её преимущественно открытый характер, восприимчивость и в массе своей отсутствие национальной спеси» [16, с. 39].

Впрочем, Д.С. Лихачёв вовсе не склонен считать стремление к миру и добрососедство лишь нравственной ценностью русского народа, оно характеризует сознание всякого народа на определенном этапе развития его культуры, и только от определённых исторических обстоятельств зависит, в каком виде эта ценность сохраняется в народном сознании и как влияет на типическое поведение человека. В частности, Д.С. Лихачёв пишет, что «то же самое свойство открытости и миролюбия отличало и финские племена, жившие в соседстве с русскими. Эта открытость – черта определенного, донационального существования народов. Однако на Руси эта черта пережила все временные границы, она утвердилась идеологически, стала сознательным и определенным принципом в жизни лучшей части русской литературы и исторической мысли» [17, с. 40].

Обратимся теперь от факторов, связанных с природной, к числу которых относятся территория и этнос, к факторам социально-историческим; важнейшим из них для преимущественно земледельческого народа был характер землепользования. Именно от этого фактора, определяющего жизнь и быт народа, занятого, главным образом, сельскохозяйственным трудом, зависела и складывающаяся в историческом процессе культура народа. Для восточных славян и унаследовавших их традиции русских на протяжении длительного времени было характерно пришедшее на смену родовому строю общинное землепользование. Оно издавна вос-

принималось как естественное, справедливое, и это не могло не оказать влияния на становление нравственного сознания русских: «Родовой быт обуславливал общую, нераздельную собственность, и, наоборот, общность, нераздельность собственности служила самой крепкою связью для членов рода, выделение обуславливало необходимо и расторжение родовой связи» [18, с. 26], – писал С.М. Соловьёв. Известный собиратель и исследователь русского фольклора А.Н. Афанасьев так представляет повседневный быт славян: «Свидетельствуя о древнейшем быте славян, Нестор говорит, что они жили родами ... Отдельный род представлялся сожитием вместе нескольких семей, связанных кровными узами родства и властью одного родоначальника. (...) Родичи помещались в одной избе или, если слишком размножились, – в нескольких холодных срубках (клетях), построенных вблизи теплой избы и даже примкнутых к её стенам. (...) Таким образом, очаг оставался единым для всех, а приготовленная на нем пища была общей» [19, с. 16].

Укоренённость общинно-родовых отношений наложила особый отпечаток на всю русскую историю и культуру, определила душевный склад русского человека. Сформировавшееся самосознание русских, в свою очередь, оказывало обратное воздействие на порядок хозяйственной жизни. Так, по выражению исследователя русской общины И.Н. Миклашевского, основы существования общины лежали «в самом духе народа, в складе русского ума, который не любит и не понимает жизни вне общины и даже в своей кровной семье хочет видеть общину, товарищество» [13, с. 608]. «Понятие “мир” для крестьянина отражало всю глубину его духовно-нравственного сознания, олицетворяя не просто арифметическое соединение крестьян, а нечто большее – соборное соединение, имеющее характер высшего закона» [13, с. 608].

Итак, община в истории России существовала очень долго, воспроизводя сложившиеся еще в глубокой древности традиционные формы общественной жизни. «Ещё в начале XX века можно было встретить социальные структуры, существовавшие пятьсот и более лет назад» [13, с. 609]. Даже когда после 1861 г. в России начались социально-экономические и общественные

реформы, «волостная община погибла не повсеместно, но продолжала существовать на государственных землях, выполняя вплоть до начала XX века те же самые функции, что и много веков назад» [13, с. 610]. Вековые традиции общинной жизни оказали огромное влияние на сознание всех слоев общества. Неудивительно поэтому, что еще в начале XX в. Л.Н. Толстой вёл полемику с П.А. Столыпиным, отстаивая общинный по своему происхождению и смыслу тезис «Земля – Божья», а Н.А. Бердяев в работе «Истоки и смысл русского коммунизма» стремился показать, что именно общинное прошлое сделало в России столь лёгкой победу большевиков, поскольку даже в XX век Россия вступила с общинным укладом и общинной идеологией [20].

В условиях общинно-родового строя всегда и повсюду (а не только в России) устанавливаются простые и искренние отношения между людьми. Общинно-родовой строй препятствует дифференциации по имущественному признаку, а следовательно, и дальнейшему развитию социальных отношений, а также формированию личностных качеств. Вместе с тем, устойчивость общинно-родовых отношений оказывает благотворное влияние на человека в плане становления важнейших нравственных ценностей. К.Д. Кавелин даёт следующую оценку роли общинно-родового строя как основания нравственных качеств человека: «Люди жили сообща, не врозь, не отчуждённо, как потом; не было ещё губительного различия между моим и твоим – источника последующих бедствий и пороков; все, как члены одной семьи, поддерживали, защищали друг друга, и обида, нанесенная одному, касалась всех. Такой быт должен был воспитывать в русских славянах семейные добродетели: кроткие, тихие нравы, доверчивость, необыкновенные добродушие и простосердечие» [21, с. 24].

Община, как и семья, воспринимались русскими людьми как круг близких, как «свои». Но особые исторические обстоятельства в нашей стране способствовали тому, что этот круг не оставался «замкнутым», он постоянно расширялся, пополнялся новыми членами, причем этнических, религиозных, культурных, языковых препятствий при этом не существовало. В современных гуманитарных науках этот процесс изу-

чается с разных сторон. Например, В.В. Колесов на материале истории языка делает вывод, что «постоянно увеличивался круг “своих”: за счёт друзей и близких; но не одни лишь родственные, также и хозяйственные связи могли стать основой перехода “чужих” в “свои”. Появление семьи и общины, например, связано с увеличением круга людей, объединённых территориальной или производственной общностью» [22, с. 40]. В формировании семьи, общины и других форм межчеловеческого общения становящееся русское общество было терпимым к иным этническим, религиозным, культурным группам, которые в него входили, общинно-родовые традиции и нравы делали этот процесс более простым и безболезненным.

Устойчивость общинных отношений в России станет понятной, если вспомнить, что Россия возникает на границе со степью, кочевым миром, бескрайней тайгой, т.е. теми природными областями, из которых постоянно исходит опасность, областями, в которых в одиночку человек выжить не может; здесь только «всем миром» можно противостоять угрозе нашествия, стихии, засухи и т.п.

С веками эта включённость человека в общее, общинное, бытие народа становится органичной чертой жизни русского человека, внутренне осознаваемой нормой его поведения. Безусловно, жизнь в рамках общины таит в себе и некоторые опасности для становления нравственного самосознания: человеку труднее научиться брать на себя ответственность, осознанно планировать свою жизнь, самостоятельно, независимо от общины, контролировать свое поведение, ведь эти функции на протяжении длительного времени были отданы «миру», общине; человек привыкает полагаться на опеку со стороны общины и, следовательно, ему не хватает стимулов для индивидуального труда и творчества.

И всё же с точки зрения роли нравственности в жизни человека, следует заключить, что традиция общинной жизни оказала благотворное влияние на нравственные чувства, процесс формирования важнейших нравственных ценностей в сознании русского народа. В.Д. Шадриков отмечает, что совместный труд на мирских землях, общинное пользование лесами, выгонами и сенокосами «развивал в русском человеке

доброжелательность по отношению к другим людям; соборность, тяготение к единению с другими; коллективизм (стремление к совместной деятельности); гуманизм, отзывчивость на чужое горе и радость; жертвенность, готовность к самопожертвованию; общительность; миролюбие; соблюдение общинной моральной нормы; совестливость, стремление поступать по справедливости, нравственную ответственность за свое поведение перед окружающими; стыдливость, стремление избежать предосудительного поступка, позора, бесчестья» [22, с. 126-127].

Итак, на обширных пространствах России в течение многих веков происходило смешение различных этносов, и в результате этого к XV-XVI вв. сформировалось полиэтничное государство. Преодолению этнической разобщенности способствовало и интенсивное воздействие извне, как с Запада, так и с Востока. Воздействие это носило не столько культурный, сколько агрессивно-захватнический характер. В подобных экстремальных условиях наиболее эффективным механизмом консолидации общества оказались сильное государство и община.

Общинный уклад жизни русского народа, почти без изменений сохранявшийся на протяжении веков, создал внутреннее убеждение в его «правильности». До тех пор, пока община оставалась естественной формой жизни русского человека, вопрос о её оценке – и, соответственно, восприятии формируемых ею черт психологии русского человека – не возникал. Но уже в XVIII в. в результате активизации связей со странами Западной Европы сделало очевидным различия в моральных нормах, психологии, ценностных ориентациях между русскими и европейцами, а на протяжении XIX в. русская культура уже занята переосмыслением отношений России с Западной Европой. В ходе этого переосмысления складывается понимание того, что самые существенные особенности русской жизни, в частности, принцип взаимопомощи и стремление к согласию, связаны как раз с общинно-коллективистскими традициями России.

Нравственный опыт народов России органично соединился с христианским моральным учением. Народное сознание глубоко и искренне восприняло проповедь сострадания, которая

составляет основу всей христианской этики. Выразительное представление о ней даёт Послание апостола Павла к коринфянам, которое можно назвать «гимном» христианской любви-состраданию, этой важнейшей нравственной ценности христианства. Ветхозаветная мораль, требовавшая, чтобы злодеяние наказывалось причинением ответного зла, в Новом Завете отменяется. В отличие от неё, христианская мораль не является «юридической», она не соизмеряет деяние и воздаяние, но требует на всякое действие отвечать добром, – только так добро и может победить! Если же отвечать злом на зло, то по человеческим нормам это, конечно же, справедливо, но цепь злодеяний, утверждают христиане, окажется тогда бесконечной. Христианская мораль парадоксальна, она противоречит, по видимости, всему предшествующему опыту человечества, но христиане верят, что Бог «контролирует», чтобы её претворение в жизнь оказывалось целесообразным и с точки зрения ограниченных человеческих представлений о добре и зле.

Г.Г. Майоров, известный отечественный исследователь античной и средневековой культуры, следующим образом резюмирует свой анализ христианской «этики смирения»: христианская этика «призывала терпеть, но не для того, чтобы приспособиться к этому миру, а для того, чтобы развить в себе способность противостоять его натиску; призывала к смирению, но не из трусости ... и не затем, чтобы склониться перед мировым злом, а затем, чтобы силой смирения обуздать это сконцентрированное по христианским понятиям в человеческой гордыне мировое зло, победить его нравственно, духовно; она призывала любить и прощать даже врагов, но не потому, что вражда или ненависть признавались ею вполне простительными проявлениями человеческой слабости, а потому, что утопающий в ненависти мир не может быть очищен от этой ненависти ничем, кроме одной любви» [23, с. 29]. Именно христианские нравственно-этические идеи, полагает Г.Г. Майоров, определяют специфику всей европейской цивилизации, начиная со средних веков и до наших дней: этический компонент даже более фундаментален, отмечает он, чем религиозный, именно этическому

компоненту культуры принадлежат «генетическое первенство и логический примат» [23, с. 3], убеждён российский учёный. Традиция русской православной культуры восприняла эти идеи христианской нравственности и из века в век средствами народной педагогики переносила их в сознание народа и в его сердце.

Христианство, однако, – это не совокупность догм, установлений, а «живая» религия, она способна сохранять себя лишь как связь верующих людей друг с другом и с Богом. И в Священном Предании само существо христианской веры определяется таким образом, что, кажется, именно народная педагогика способна стать самым естественным его проводником: христианство – это «то, что истинно верующие и чтущие Бога словом и примером передают один другому и предки – потомкам: учение веры, Закон Божий, Таинства и священные обряды» [24, с. 8]. Хранительницей связи поколений выступает, прежде всего, сама Православная церковь. Православное предание – это живая историческая традиция христианской веры, которая открывает для нас то, как понимали и переживали нравственные истины христианства наши предки.

Основы нравственности каждого народа формируются в течение длительного времени, и результаты этого процесса составляют важнейшую часть его духовной жизни. Милосердие в его самых разных проявлениях представляет собой самую характерную черту нравственной культуры русского народа и других народов России. Уже сама история России способствовала формированию в народном сознании милосердия, и это влияние истории естественным образом соединилось с проповедью православия, выступившего в качестве нового основания всей системы нравственных понятий отечественной культуры. «В христианских учениях, – справедливо пишет В.А. Шутова, – милосердие рассматривается как жизненно необходимое добродетельное свойство, которое берёт своё начало у любви к окружающим. Именно любовь учит радоваться успехам других и сопереживать чужому горю» [25, с. 17].

Итак, цельность народной нравственности определялась у русских людей православной верой. При этом христианство с самого начала

было «образовательной» религией, поэтому для верующих был естествен интерес к духовным книгам. Иисус, по библейским характеристикам, сам был учителем и проповедовал обучение как основной метод распространения своих взглядов. Но не в меньшей степени христианство выступало и качестве системы формирования определённого типа поведения человека. Поэтому вся христианская литература «педагогична», она является «наставительной», она направлена на то, чтобы благочестивые родители воспитывали своих детей в духе уважения к христианским ценностям. Русские люди относились к книге как к иконе, хранили за ризницей, как икону, в переднем углу.

Чтение и, шире, образование воспринимались народным умом как то, что ведёт христианина к духовному совершенству и спасению – наряду с искренней верой и праведной жизнью человека. И.А. Ильин так писал о воспитательной роли христианства: «В нравственной области это дало русскому народу живое и глубокое чувство совести, мечты о праведности и святости, верное осознание греха, дар обновляющего покаяния, идею аскетического очищения, острое чувство правды и “кривды”, добра и зла» [26, с. 55]. Традиции воспитания нравственных ценностей, сформировавшиеся под влиянием православия, оказывали глубокое влияние на жизнь многих поколений русских людей. Востребованность этих религиозно-нравственных традиций в наше время обусловлена, прежде всего, соответствием их содержания общечеловеческим нормам нравственности. Их возрождение будет способствовать укреплению и духовному обновлению современной семьи и российского общества в целом.

Однако религиозное сознание – это лишь одна из составляющих целостной культуры народа, более того, та или иная религия получает признание в обществе только в том случае, если она соответствует склонностям народа и его чаяниям. Хорошо известно, что принятие христианства на Руси было связано с эстетическим впечатлением, которое на русичей произвел православный обряд. Однако исторически не менее важной оказалась и та гармония, которая обнаружилась у православного вероучения с нравственным сознанием русских людей, склонных

прощать обиды и искать мирного разрешения конфликтов. Эти, как и многие другие нравственные ценности и черты морального сознания народов России, проявляются во всех элементах культуры, которые содержит в своём арсенале народная педагогика, и которые она в течение многих веков активно использует в процессе воспитания детей.

Так, особенности восприятия мира детьми дошкольного и младшего школьного возраста определяют потребность самого широкого использования в воспитательном процессе народных игрушек, прежде всего, как средства нравственного воспитания ребёнка. Русские народные игрушки в интегральном виде отражают особенности традиционной педагогической культуры народа и благодаря этому обладают особым потенциалом в процессе духовно-нравственного воспитания.

Главное предназначение народной игрушки, издавна использовавшейся в народной педагогике, состояло в том, чтобы передать будущим поколениям выработанные народом духовно-нравственные ценности и установки, сформировать у детей первоначальные социальные навыки и требуемую условиями общественной жизни модель поведения, обеспечить готовность молодого поколения принять на себя ответственность за собственную жизнь и жизнь своих будущих детей, за сохранение культуры, благополучие государства. Народная игрушка выполняла это предназначение, поскольку воздействовала на эмоционально-образную сферу ребёнка, т.е. обращалась к нему самым естественным, с точки зрения особенностей психического развития, способом.

Преодоление духовно-нравственного неблагополучия современного российского общества, одним из выражений которого является отчетливо осознаваемая педагогами трудность конструктивного воздействия на нравственное сознание детей и подростков, предполагает возвращение к выработанным в ходе истории народа, но утраченным в результате катастрофических событий прошлого века, способам передачи культурного, прежде всего, нравственного и социального опыта. Решение этой весьма трудной педагогической и общественной задачи

предполагает не только обобщение существующего уже опыта практической работы в данной области, но и разработку теоретических и методологических оснований использования русских народных игрушек в духовно-нравственном воспитании ребёнка, поскольку сегодня необходимо обеспечить связь этого процесса с современными знаниями в области педагогики и психологии. Требуется работать над воссозданием традиционной детской игровой культуры и разработкой современных методов использования народной игрушки в нравственном воспитании ребёнка. Одухотворенное игровое пространство способно служить развитию личности детей дошкольного и младшего школьного возраста, формированию у них чувства общности, способности к сопереживанию и «сорадованию».

Включение народной игрушки в процесс духовно-нравственного воспитания детей предполагает, в свою очередь, ориентацию на формирование у детей интереса к народной культуре, создание развивающей предметно-игровой среды с активным использованием всего многообразия русских народных игрушек, включая игрушки различных регионов страны, включение народных игрушек в повседневный быт и разнообразные виды детской игровой и познавательной деятельности, разработку и обогащение игровых форм взаимодействия детей дошкольного возраста с народными игрушками, описание принципов и разработку методов обучения детей изготовлению традиционных народных игрушек, формирование профессиональной готовности педагогов к включению самобытной народной игрушки в образовательный процесс.

Итак, анализ истории русской культуры и ее влияния на становление традиции народной педагогики позволяет ещё раз убедиться в том, что культура всякого народа несёт в себе общечеловеческие ценности, определяющие нашу причастность к истории и культуре человечества в целом. Вместе с тем исторический опыт каждого народа своеобразен, его специфика, определяемая природными условиями жизни этноса, взаимоотношениями с соседними народами, особенностями социальной и культурной истории, предопределяет наличие в народном

сознании доминирующих идей и представлений, выражающих само существо культуры народа, его «душу». Именно эти идеи и представления

определяют, главным образом, историческую значимость каждой культуры – её самобытность, индивидуальность, неповторимость.

Список литературы:

1. Белозерцев Е.П. Образ и смысл русской школы: Очерки прикладной философии образования. Волгоград: Перемена, 2000. 461 с.
2. Волков Г.Н. Этнопедагогика. М.: Академия, 1999. 168 с.
3. Григорьев В.М. Народная педагогика игры: Вопросы методологии и теории. М.: ОДИ-Intern, 1996. 70 с.
4. Князева О.Л., Махнева М.Д. Приобщение детей к истокам русской национальной культуры. СПб.: ДЕТСТВО-ПРЕСС, 1998. 304 с.
5. Латышина Д.И. История педагогики (История образования и педагогической мысли). М.: Изд. дом «ФОРУМ», 2002. 584 с.
6. Русские / Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М.: Наука, 1997. 828 с. (Народы и культуры)
7. Гумилёв Л.Н. От Руси до России: очерки этнической истории. М.: Экспресс, 1992. 336 с.
8. Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М.: Экспресс, 1993. 450 с.
9. Соловьёв С.М. История России с древнейших времен. Кн. 1, т. 1-2 // Соловьёв С.М. Соч. : в 18 кн. М.: Мысль, 1988. 798 с.
10. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 1 // Ключевский В.О. Соч. : в 9 т. Т. 1. М.: Мысль, 1987. 430 с.
11. Шадриков В.Д. Происхождение человечности. М.: Логос, 1999. 200 с.
12. Козлова О.Н. Национальные модели воспитания и гуманизм: Учебн. пособ. для студ. пед. ин-тов. М.: МГОПИ, 1993. 155 с.
13. Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации. М.: Православное изд-во «Энциклопедия русской цивилизации», 2000. 1040 с.
14. Нестеров Ф.Ф. Связь времен. М.: Молодая гвардия, 1987. 237 с.
15. Солоневич И.Л. Народная монархия. М.: Феникс, 1991. 511 с.
16. Лихачёв Д.С. Заметки о русском. М.: Советская Россия, 1984. 64 с.
17. Лихачёв Д.С. Прошлое – будущему. Л.: Наука, 1985. 575 с.
18. Соловьёв С.М. Об истории Древней России. М.: Просвещение, 1993. 544 с.
19. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. Т. 2. М.: Современный писатель, 1995. 400 с.
20. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Республика, 1990. 276 с.
21. Кавелин К.Д. Наш умственный строй. М.: Мысль, 1989. 529 с.
22. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.: Филол. фак-т Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2000. 326 с. (Серия «Филология и культура»)
23. Майоров Г.Г. Этика в средние века. М.: Мысль, 1986. 46 с. (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Этика»; №8)
24. Пространный христианский катехизис православной католической восточной церкви / Сост. Митр. Филарет (Дроздов). Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2000. 104 с.
25. Шутова В.А. Педагогические условия воспитания милосердия у детей младшего школьного возраста: Дисс. ... канд. пед. наук. Смоленск, 1999. 156 с.
26. Ильин И.А. За национальную Россию // Слово. 1991. IV. С. 55-65.

27. Максимов Л.В. Что такое мораль: проблема определения // *Философия и культура*. 2012. №10. С. 115-126.
28. Галлямова Л.И. Юбилей Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук // *Исторический журнал: научные исследования*. 2011. №4. С. 27-31.
29. Громов М.Н. К проблеме генезиса и типологии отечественной культуры // *Философия и культура*. 2011. №9. С. 181-187.
30. Шулепова Э.А. Отечественная культура в очень сложный и плодотворный период // *Культура и искусство*. 2012. №4. С. 55-56.
31. Стрижов А.Ю. Баланс ценностей во время социальной революции // *Философия и культура*. 2015. №9. С. 1339-1345. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.9.13842.

References (transliterated):

1. Belozertsev E.P. *Obraz i smysl russkoi shkoly: Ocherki prikladnoi filosofii obrazovaniya*. Volgograd: Peremena, 2000. 461 s.
2. Volkov G.N. *Etnopedagogika*. M.: Akademiya, 1999. 168 s.
3. Grigor'ev V.M. *Narodnaya pedagogika igry: Voprosy metodologii i teorii*. M.: ODI-Intern, 1996. 70 s.
4. Knyazeva O.L., Makhneva M.D. *Priobshchenie detei k istokam russkoi natsional'noi kul'tury*. SPb.: DETSTVO-PRESS, 1998. 304 s.
5. Latyshina D.I. *Istoriya pedagogiki (Istoriya obrazovaniya i pedagogicheskoi mysli)*. M.: Izd. dom «FORUM», 2002. 584 s.
6. *Russkie / Otv. red. V.A. Aleksandrov, I.V. Vlasova, N.S. Polishchuk*. M.: Nauka, 1997. 828 s. (Narody i kul'tury)
7. Gumilev L.N. *Ot Rusi do Rossii: ocherki etnicheskoi istorii*. M.: Ekopros, 1992. 336 s.
8. Gumilev L.N. *Ritmy Evrazii: epokhi i tsivilizatsii*. M.: Ekopros, 1993. 450 s.
9. Solov'ev S.M. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen*. Kn. 1, t. 1-2 // Solov'ev S.M. *Soch.: v 18 kn.* M.: Mysl', 1988. 798 s.
10. Klyuchevskii V.O. *Kurs russkoi istorii. Ch. 1* // Klyuchevskii V.O. *Soch.: v 9 t. T. 1*. M.: Mysl', 1987. 430 s.
11. Shadrikov V.D. *Proiskhozhdenie chelovechnosti*. M.: Logos, 1999. 200 s.
12. Kozlova O.N. *Natsional'nye modeli vospitaniya i gumanizm: Uchebn. posob. dlya stud. ped. in-v.* M.: MGOPI, 1993. 155 s.
13. *Svyataya Rus'. Entsiklopedicheskii slovar' russkoi tsivilizatsii*. M.: Pravoslavnoe izd-vo «Entsiklopediya russkoi tsivilizatsii», 2000. 1040 s.
14. Nesterov F.F. *Svyaz' vremen*. M.: Molodaya gvardiya, 1987. 237 s.
15. Solonevich I.L. *Narodnaya monarkhiya*. M.: Feniks, 1991. 511 s.
16. Likhachev D.S. *Zametki o russkom*. M.: Sovetskaya Rossiya, 1984. 64 s.
17. Likhachev D.S. *Proshloe – budushchemu*. L.: Nauka, 1985. 575 s.
18. Solov'ev S.M. *Ob istorii Drevnei Rossii*. M. Prosveshchenie, 1993. 544 s.
19. Afanas'ev A.N. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: v 3 t. T. 2*. M.: Sovremennyi pisatel', 1995. 400 s.
20. Berdyayev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma*. M.: Respublika, 1990. 276 s.
21. Kavelin K.D. *Nash umstvennyi stroi*. M.: Mysl', 1989. 529 s.
22. Kolesov V.V. *Drevnyaya Rus': nasledie v slove. Mir cheloveka*. SPb.: Filol. fak-t Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta, 2000. 326 s. (Seriya «Filologiya i kul'tura»)
23. Maiorov G.G. *Etika v srednie veka*. M.: Mysl', 1986. 46 s. (Novoe v zhizni, nauke, tekhnike. Ser. «Etika»; №8)

24. Prostrannii khristianskii katekhizis pravoslavnoi kafolicheskoi vostochnoi tserkvi / Sost. Mitr. Filaret (Drozdov). Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra, 2000. 104 s.
25. Shutova V.A. Pedagogicheskie usloviya vospitaniya miloserdiya u detei mladshego shkol'nogo vozrasta: Diss. ... kand. ped. nauk. Smolensk, 1999. 156 s.
26. Il'in I.A. Za natsional'nuyu Rossiyu // Slovo. 1991. IV. S. 55-65.
27. Maksimov L.V. Chto takoe moral': problema opredeleniya // Filosofiya i kul'tura. 2012. №10. S. 115-126.
28. Gallyamova L.I. Yubilei Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2011. №4. S. 27-31.
29. Gromov M.N. K probleme genezisa i tipologii otechestvennoi kul'tury // Filosofiya i kul'tura. 2011. №9. S. 181-187.
30. Shulepova E.A. Otechestvennaya kul'tura v ochen' slozhnyi i plodotvornyi period // Kul'tura i iskusstvo. 2012. №4. S. 55-56.
31. Strizhov A.Yu. Balans tsennosti vo vremya sotsial'noi revolyutsii // Filosofiya i kul'tura. 2015. №9. S. 1339-1345. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.9.13842.